

въ нихъ дѣтей. Объ этомъ печется наше Правительство, оно изыскиваетъ средства для сего. Но средствъ, поступающихъ въ его распоряженіе на школы церковныя, далеко еще недостаточно для того, чтобы удовлетворить всѣ просьбы объ открытіи, расширеніи и устройствѣ школъ церковныхъ, чтобы удовлетворить потребности въ духовномъ подѣ кровомъ церкви просвѣщеніи дѣтей народа... На помощь Правительству должны прійти общества и частныя лица. Къ сему въ настоящій день, день памяти святаго покровителя Русской земли, благоговѣнно чтимаго всѣмъ русскимъ народомъ Святителя Николая и въ день тезоименитства Августѣйшаго Покровителя церковныхъ школъ НАШЕГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА и призываются въ храмахъ Божіихъ по всей нашей епархіи доброхотные жертвователи изъ благочестивыхъ христіанъ, ревнующихъ о христіанскомъ просвѣщеніи народа.

Не смущайтесь, братіе, незначительностью жертвы на сіе, если кто не имѣетъ средствъ большихъ, большаго достатка. Господь пріемлетъ жертву по усердію каждаго, отъ его достатка, кто сколько можетъ дать безъ стѣсненія себя (2 Кор. VIII, 12—13; IX, 6—7). Онъ благоволительно принялъ двѣ лепты, опущенныя усердіемъ бѣдной вдовицы въ храмовую кружку (Марк. XII, 41). Не нужно также намъ забывать и народнаго мудраго замѣчанія, что изъ копѣекъ составляются рубли, изъ рублей—большіе капиталы, а на большіе капиталы можно вести и дѣло большое. Итакъ, жертвуйте, братіе, по усердію, кто сколько можетъ.

Причины религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ.

(Публичное чтеніе въ залѣ Астраханской А. Семинаріи въ пользу Попечительства о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи).

(Оконч. См. № 20 А. Е. В.).

Воспитательная задача св. церкви по отношенію къ христіанамъ состоитъ не въ томъ только, чтобы руководить нами во время нашего присутствованія въ храмѣ,—она слѣдитъ за

нашимъ грѣховнымъ настроеніемъ и за порогомъ храма, вносить небесную атмосферу своей жизни въ наши дома, обставляетъ жизнь христіанина такими обычаями, которые должны постоянно возрѣвать въ насъ религіозную настроенность и, поддерживать въ нашемъ сердцѣ неразрывную связь со Христомъ и Его божественнымъ закономъ. Достигаетъ этого Церковь отчасти требованіями относительно домашней жизни, находящимися въ церковномъ уставѣ, отчасти благочестивыми обычаями, переходящими по преданію и созданными очевидно ревностнымъ истинно христіанскимъ благочестіемъ нашихъ предковъ подъ руководствомъ и по духу Церкви. Такихъ требованій и обычаевъ не мало. Если смотрѣть на нихъ поверхностно, то они, пожалуй, покажутся маловажными, мелочными и лишними въ христіанствѣ; но болѣе глубокое возрѣніе на нихъ откроетъ намъ совершенно другое. Кому неизвѣстно, что настроеніе человѣка всегда создается мелочами? Даже неосторожно сказанное слово, случайно пережитое волненіе оставляютъ слѣды въ нашей душѣ и частое воспроизведеніе однородныхъ фактовъ способно создать прочное настроеніе; Церковь руководствуется именно этимъ соображеніемъ; требуя отъ насъ исполненія различныхъ церковныхъ обычаевъ и предписаній, не только въ церкви, но и дома, она надѣется путемъ ихъ укрѣпить въ насъ наше христіанское сознаніе и постоянно держать нашъ умъ и сердце направленными ко Христу. Затѣмъ извѣстно, что общіе законы можно исполнять путемъ частичнаго, весьма иногда мелочнаго приложенія закона къ жизни; на этомъ основаніи Церковь, руководствуя насъ въ христіанской жизни, въ различныхъ своихъ требованіяхъ регламентируетъ только свои общія требованія, такъ что исполняющій, положимъ, какойнибудь незначительный церковный обычай, въ сущности исполняетъ какое-либо весьма важное нравственное правило,—и нарушающій такой обычай, въ сущности является нарушителемъ весьма существеннаго требованія христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ составляетъ большую важность нарушить христіанскій обычай о невкушеніи пищи до литургіи, а между тѣмъ этимъ обычаемъ выражается наше благоговѣйное отношеніе къ святѣйшему и

важнѣйшему въ дѣлѣ нашего спасенія таинству святаго причащенія; или напр.— пройти мимо храма, не сотворивши на себѣ крестнаго знаменія, а между тѣмъ этимъ выражается наше благоговѣнне къ храму и ко всему, что въ немъ находится. Въ практикѣ жизни современнаго общества и замѣчается весьма печальное явленіе: домашняя обстановка, обычаи домашней и общественной жизни создаются совершенно независимо отъ вліянія церкви;—и домъ многихъ современныхъ христіанъ малымъ чѣмъ обнаруживаетъ свою принадлежность христіанству, а порядокъ жизни заставляеть совершенно забыть, что извѣстное лицо принадлежитъ христіанскому обществу и есть сынъ святой церкви. Многие ли изъ современнаго общества теперь читають св. Евангеліе, — а между тѣмъ ежедневное чтеніе этой божественной книги, хотя по одной только главѣ, вносить въ сердце христіанина освѣжающую святую струю небесной жизни и сближаетъ, свыкаетъ съ нашимъ Искупителемъ. Многие ли теперь внимательно читають утромъ и вечеромъ положенныя Церковію молитвы, а между тѣмъ, по опыту великихъ молитвенниковъ, безъ молитвы заглушается въ насъ христіанская жизнь. Видимые знаки присутствія Божія въ домѣ — святыя иконы, питающія религиозное чувство, имѣются только въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ и занимають отдаленный едва видимый уголокъ комнаты. Во многихъ ли домахъ можно встрѣтить зажженныя предъ иконами лампы, которыми христіанинъ выражаетъ свое молитвенноблагоговѣнное чувство предъ святыми изображеніями и посредствомъ которыхъ онъ питаетъ это чувство. Многие ли дѣлають, согласно указанію церкви и здраваго христіанскаго смысла, различія между обыкновенными и праздничными днями; не рѣдкость встрѣтить и подъ величайшіе годовые праздники и въ святѣйшіе дни великаго поста свѣтскую музыку, танцы, всенощное просиживаніе за картами. Кто теперь соблюдаетъ свѣтые посты даже въ дни ближайшіе къ великимъ праздникамъ Пасхи, Рождества Христова, — чтобы встрѣтить эти свѣтые дни съ усиленнымъ христіанскимъ восторгомъ? Невольно возникаетъ вопросъ: напоминаетъ ли что-нибудь современному человѣку въ постоянно окружающей его средѣ о его хри-

стіанскомъ званіи, питасть ли что-нибудь его христіанское настроеніе, воспитываетъ ли чувство живаго общенія съ Богомъ? Не воспитывая въ себѣ христіанскаго чувства постоянными опытами повседневной жизни, современный индифферентно настроенный челоуѣкъ, если и является изрѣдка въ церковь обычно на самое короткое время, можетъ ли возгрѣть въ себѣ это чувство, тѣмъ болѣе, если посѣщаетъ храмъ Божій часто только по долгу службы, или чтобы послушать новый концертъ, или только для того, чтобы поглядѣть на народъ и подивиться и въ большинствѣ случаевъ пріятно побесѣдовать съ знакомыми. Нѣтъ, въ такихъ условіяхъ совершенно немислимо христіанское воспитаніе сердца.

Удалиясь отъ церковнаго богослуженія и устранивъ изъ своей домашней и общественной жизни всякіе христіанскіе подвиги и обычаи, истинно современные люди лишаются весьма существеннаго въ христіанской жизни—внутренняго опыта, сердечнаго убѣжденія въ христіанскихъ истинахъ. Извѣстенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, современному челоуѣку внутренній христіанскій опытъ—это сердечное переживаніе различныхъ христіанскихъ настроеній, такъ сказать, непосредственное вкушеніе сладости христіанской жизни, когда христіанство представляется не рядомъ внѣшнихъ непонятныхъ предписаній, неимѣющихъ отношенія къ жизни, но источникомъ высочайшей радости,—стремиться къ которому составляетъ радостный и легкій трудъ, или, по слову Спасителя, „иго благое“. Но вѣдь, такой внутренній опытъ дается не даромъ, а за подвигъ, вначалѣ весьма не легкій и только впоследствии времени, по жрѣ того, какъ начнетъ переходить изъ внѣшней области во внутреннюю, дѣлающійся легкимъ и пріятнымъ. Такой внутренній опытъ и создается только исполненіемъ требованій церкви касательно церковныхъ богослуженій, молитвы, долга исповѣди и разныхъ предписаній домашней жизни христіанина, требованій, которыя, какъ мы говорили, почти совершенно игнорируются въ современномъ обществѣ. Между тѣмъ, безъ исполненія этихъ требованій, никогда не достигнется внутренній опытъ,—и христіанство, представляясь только, какъ рядъ внѣшнихъ требованій, всегда въ

подобныхъ людяхъ встрѣтитъ только индифферентное къ себѣ отношеніе: внѣшнія предписанія, если въ нихъ не усматривается внутренняго смысла и источника высшихъ радостей, всегда могутъ быть подвергнуты критикѣ и отвергнуты, какъ тяжелыя и не имѣющія смысла. Такъ на примѣръ, церковь требуетъ отъ приступающихъ къ таинствамъ исповѣди и св. причащенія значительнаго ограниченія себя въ пищѣ и питіи, хожденія въ храмъ ежедневнаго ко всѣмъ службамъ въ продолженіи всей недѣли,—предъ исповѣдію истинный христіанинъ въ простотѣ сердца проситъ прощенія у тѣхъ, кого онъ оскорбилъ, наканунѣ святѣйшаго таинства причащенія, послѣ правила вечерняго онъ не станетъ принимать пищи. Современный человѣкъ и четвертой доли всѣхъ этихъ предписаній не исполнитъ, считая иное излишнимъ и ненужнымъ, другое слишкомъ труднымъ, — въ результатѣ—холодность и апатія даже послѣ св. таинствъ; но загляните въ душу человѣка, съ усердіемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ св. церкви исполнившаго всѣ ея требованія относительно этихъ святыхъ таинствъ, тотъ чувствуетъ себя послѣ нихъ такимъ довольнымъ, неизмѣримо счастливымъ, переживаетъ такую полноту духовной радости, что уже опытно убѣждается въ величій христіанской религіи, способной даровать человѣку такіе неземные восторги. Опытъ этотъ въ большей или меньшей мѣрѣ извѣстенъ всякому доброму христіанину.. Или еще примѣръ. Извѣстно, что молитва есть лучшее средство для пріобрѣтенія внутренняго опыта; но что-бы этотъ опытъ возникъ, требуется молитва сосредоточенная, усердная и неслишкомъ краткая; такая молитва способна открыть сердце для дѣйствія благодати, возвысить наше настроеніе и воспитать въ насъ христіанскія чувства; о. Іоаннъ Кронштадтскій совѣтуетъ христіанину для постояннаго поддержанія на высотѣ христіанскаго настроенія и успѣха въ дѣлѣ спасенія ежедневно утромъ молиться $\frac{1}{2}$ часа; многіе добрые христіане ежедневно посѣщаютъ храмъ Божій. Этотъ опытъ не доступенъ современному человѣку, который совершенно почти игнорируетъ домашнюю молитву и, скажемъ безъ всякаго преувеличенія, въ лучшемъ случаѣ употребляетъ на нее одну - двѣ минуты; а небрежное от-

ношеніе къ молитвѣ лишаетъ и всѣхъ нравственныхъ благъ ея. Понятно, что недостатокъ внутренняго христіанскаго опыта у современнаго человѣка является величайшимъ препятствіемъ для христіанскаго воспитанія сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшею причиною религіознаго индифферентизма.

Итакъ недостатокъ религіознаго воспитанія сердца имѣетъ своимъ послѣдствіемъ ослабленіе религіознаго чувства; а при этомъ условіи, какъ мы видѣли, христіанская религія и съ догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ кажется совершенно лишнею и ненужною. Но человѣкъ остаться безъ всякаго направленія въ жизни, безъ опредѣленныхъ идеаловъ не можетъ. Для истиннаго христіанина эти идеалы заключаются въ тѣснѣйшемъ живомъ общеніи со Христомъ и уподобленіи Ему; современный человѣкъ, невольнo отвергнувшійся отъ этой цѣли, создалъ себѣ свои идеалы, къ несчастію, совершенно противоположные христіанскимъ — это стремленіе къ наживѣ и страсть къ удовольствіямъ. Стремленіе къ наживѣ положительно господствуетъ надъ современнымъ обществомъ и налагаетъ свою тяжелую руку рѣшительно на всѣ стороны жизни, въ жертву этому идолу приносятся и священныя отношенія родства и дружбы, и религіозныя обязанности, и умственный трудъ, и честность; стремясь къ наживѣ, современный человѣкъ не пощадитъ бѣдняка, не пожалѣетъ обездоленнаго и сдѣлаетъ рѣшительно все, что-бы увеличить свое матеріальное благосостояніе. Этому практическому направленію особенно благопріятствуетъ необыкновенное развитіе разнообразныхъ техническихъ приспособленій, машинъ, при которыхъ почти теряетъ значеніе личный трудъ, и получаетъ неограниченную силу капиталъ. Въ связи съ практическимъ направленіемъ замѣчается крайняя страсть къ удовольствіямъ, къ наслажденіямъ жизни; — кажется, никогда человѣкъ не искалъ съ такою жаждою наслажденій жизни, какъ въ настоящее время. Современный человѣкъ все отдаетъ, все приносить въ жертву этой жадѣ: всѣ способности и силы ума, и сердца, духа и тѣла, всѣ свои познанія и труды, всѣ средства жизни, всѣ условія и обязанности общежитія...; большинство всецѣло предается одной всепоглощающей, неограни-

ченной потребности—внѣшняго вещественнаго благосостоянія и ей подчиняетъ все другія и важнѣйшія заботы и цѣли жизни; даже умственное развитіе вѣка преимущественно направлено къ матеріальному благоустройству жизни. Жажда наслажденій, матеріальныхъ благъ, какъ необходимаго условія для пріобрѣтенія возможно большаго ихъ количества, такимъ образомъ заслонила въ глазахъ современнаго общества христіанскую добродѣтель самоотверженія и преимущественнаго служенія ближнему и христіанскую истину о высококомъ назначеніи человѣка для жизни духовной, божественной; остается только священное имя христіанина, которому почти ничто уже не соотвѣтствуетъ ни въ убѣжденіи, ни въ жизни. Особенно печально то обстоятельство, что въ современномъ обществѣ всевозможныя наслажденія вошли почти въ программу воспитанія; съ самаго ранняго возраста дѣти вводятся въ кругъ разнообразныхъ удовольствій, которыя дѣлаются вкорѣ существенною потребностью жизни, постоянно заявляющею свои права уже въ самомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ; большинству современныхъ юношей скучно сидѣть дома, заниматься чтеніемъ книги; онъ съ неохотою идетъ къ богослуженію и въ школу, но его непреодолимо влечетъ къ театру, къ танцамъ и различнымъ развлеченіямъ, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства. Результатомъ такого направленія жизни является крайняя изнѣженность воли и неспособность современнаго человѣка къ самому незначительному христіанскому подвигу. Для современнаго человѣка необыкновенно трудно простоять сполна литургію и въ особенности всенощную; онъ не въ состояніи сосредоточить свое вниманіе на содержаніи службы, двухъ-часовое стояніе для него утомительно и даже невыносимо, онъ и въ церкви предъ лицомъ Божиимъ ищетъ себѣ привычныхъ удобствъ и комфорта. Ограниченіе въ пищѣ въ единственную въ году седмицу говѣнія кажется непосидьнымъ подвигомъ и заставляетъ изнѣженнаго человѣка изнывать подъ тяжестью поста и придумывать всевозможныя для него облегченія. Все эти условія создаютъ уже прямо непреодолимую преграду, дѣлающую почти невозможнымъ христіанское воспитаніе сердца.

Недостатокъ религіознаго воспитанія сердца естественно приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ; вслѣдствіи этого недостатка, въ современномъ обществѣ развивается не научное, не добросовѣстное и прямо—обидное отношеніе къ христіанской религіи. Не постигая сердечно высоты христіанскаго ученія, и не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о христіанской религіи, современный человѣкъ и не стремится къ ихъ пріобрѣтенію. Христіанское богословіе имѣетъ на своей сторонѣ обширную богословско-апологетическую литературу; множество основательныхъ изслѣдованій написано въ разъясненіе и защиту различныхъ христіанскихъ истинъ; обстоятельно разработанная церковная исторія излагаетъ намъ историческія судьбы христіанства, какъ величайшаго міроваго явленія; обширныя догматическія системы излагаютъ предъ нами христіанскую истину, какъ единое гармоническое цѣлое; богатая аскетическая литература изображаетъ внутреннее богатство христіански настроеннаго духа; у насъ есть богатѣйшая и исключительная въ своемъ родѣ святоотеческая письменность, самобытная, глубокомысленная и недешевная даже чисто внѣшней увлекательности; наконецъ въ настоящее время издается нѣсколько солидныхъ духовныхъ журналовъ, доступныхъ по цѣнѣ и небогатому человѣку. Но многіе ли изъ современнаго общества пользуются этою сокровищницею богословскаго знанія? Къ сожалѣнію, очень и очень рѣдкіе,— читаютъ все, что попадетъ подъ руку, пріобрѣтаютъ знанія изъ всѣхъ областей, игнорируется только богословское знаніе; а между тѣмъ научное разъясненіе христіанскихъ догматовъ могло бы сдѣлать наше отношеніе къ христіанству болѣе серьезнымъ и глубокимъ и заставить болѣе внимательно относиться къ христіанскимъ требованіямъ и въ жизни. Отрицательное отношеніе къ христіанству, безъ тщательнаго изслѣдованія его внутренней истины, можетъ служить конечно только доказательствомъ легкомыслія и безпечности, которыя осуждаются одинаково и разумомъ и совѣстью; послѣдніе требуютъ дать отчетъ въ великомъ фактѣ учрежденія христіанства, изучать его въ его началѣ и въ его развитіи, найти объясненіе успѣха этой религіи, которая во всѣ времена имѣла преимущество овладѣвать чело-

вѣческаго душею; разуму нужно твердо рѣшить, какъ ему должно относиться къ христіанскому ученію, которое заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на всѣ вопросы и которое исповѣдуется во всѣхъ странахъ земнаго шара на всѣхъ языкахъ. На раскрытіе и научное обоснованіе христіанскихъ догматовъ положили свои знанія, силы, таланты въ теченіи всей своей жизни многія гениальныя и глубоко серьезныя натуры, каковы Оригенъ, Тертуліанъ, Афанасій Великій, Григорій Богословъ, Блаженный Августинъ, рядъ средневѣковыхъ ученыхъ, современные намъ маститые іерархи, посѣдѣвшіе въ богословской наукѣ профессора духовныхъ академій; добросовѣстно ли, научно ли безъ тщательнаго знакомства съ плодами ихъ трудовъ, относиться къ христіанству, какъ къ явленію несущественному, маловажному, не заслуживающему вниманія? И это печальное явленіе очень слабого развитія въ нашемъ обществѣ богословскихъ знаній является примымъ послѣдствіемъ нехристіанскаго настроенія сердца, само въ свою очередь усиливая это настроеніе. Не любя свѣта, человѣкъ уже намѣренно удаляется отъ него. Удаляясь отъ благотворнаго вліянія христіанства, современный человѣкъ заглушаетъ въ себѣ всякій интересъ къ нему, и богословскія знанія, можетъ быть, интересуютъ его въ такой же мѣрѣ, въ какой мѣрѣ интересуется любая философская система.....

Предъ пришествіемъ въ міръ Господа нашего І. Христа въ римскомъ язычествѣ господствующимъ направленіемъ былъ крайній религіозный индифферентизмъ и открытое невѣріе; язычскія религіозныя вѣрованія уже никого не привлекали къ себѣ, язычскія церемоніи носили только официальный государственный характеръ, семейная и общественная жизнь совершенно вышли изъ подъ опеки религіи, язычскія божества потеряли всякое къ себѣ уваженіе, древняя религія падала вмѣстѣ съ разложеніемъ и паденіемъ Римской Имперіи. Но язычество—религія ложная, неспособная удовлетворять высокими потребностямъ духа человѣческаго; однажды отвергнутое, однажды утратившее свою силу, хотя и призрачную, оно было уже не въ состояніи вновь привлечь къ себѣ язычскіе народы, вдохнуть въ нихъ жизнь, улучшить ея формы; все это сдѣлало христі-

анство, когда обновило, возсоздало изъ праха и вызвало къ разносторонней жизни языческіе народы. Такъ оно сдѣлало въ началѣ, такъ оно дѣлало всегда и въ послѣдующее время, — вѣруемъ и надѣмся, что такъ будетъ и впередъ, и христіанство и на будущее время всегда будетъ привлекать къ себѣ всѣ благороднѣйшія сердца людей, всегда будетъ являться источникомъ глубочайшаго утѣшенія и своими высокими началами будетъ возсоздавать и преобразовывать нашу жизнь. Вѣруемъ и надѣмся, что замѣчавшееся и прежде и особенно наблюдаемое нами въ послѣднее время ненормальное отношеніе къ христіанству, есть явленіе мимолетное, которое должно уступить мѣсто другимъ отношеніямъ, когда культурное челоуѣчество, поднявшееся на необыкновенную высоту, благодаря именно освободительнымъ и созидательнымъ началамъ христіанства, съ покорностью, смиреніемъ и любовью возвратится къ нему, оцѣнитъ его и приложить усилія къ тому, чтобы проникаться имъ въ своемъ настроеніи и жизни, чтобы каждый, исповѣдующій христіанскую религію, подобно древнимъ христіанамъ, могъ всѣмъ и каждому дерзновенно, съ спокойною совѣстью, съ глубочайшимъ сознаниемъ своей правоты, сказать: я христіанинъ!..

Преподаватель Семинаріи Священникъ *Николай Лытвицкій*.

Армяне въ Астраханской епархіи, и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ Архипастырей въ 18-мъ вѣкѣ.

(Продолженіе См. № 21 «А. Е. В.» 1900 г.).

Но служба русскимъ интересамъ, Иосифъ прежде всего думалъ о выгодахъ своихъ и своего роднаго народа. За оказанныя услуги онъ конечно ожидалъ получить сторицею. Но вотъ стало извѣстно, что знавшая и цѣнившая его заслуги Императрица Екатерина II скончалась, и на русскій престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ Петровичъ. Чтобы оградить себя и армянъ отъ неблагопріятныхъ случайностей онъ съ армянскимъ патріархомъ Лукою, проживавшимъ тогда въ городѣ Вагаршапетъ, вблизи Эчмиадзина, составляетъ на Высочайшее имя посланіе, которое лично доставляетъ ко Двору самъ архіеп. Иосифъ. Въ этомъ